

Божаткин Никита Валерьевич,
Магистрант 2 курса,
Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Санкт-Петербург

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБОГАЩЕНИЕ И РЕСТИТУЦИЯ В ОБЛАСТИ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению оснований применения механизма реституции и неосновательного обогащения в области права социального обеспечения. Автор дает ответ на вопрос, возможна ли имплементация данных частно-правовых институтов в публичной сфере.

Ключевые слова: реституция, неосновательное обогащение, имплементация.

В свое время, когда я проходил практику в Кировском районном суде г. Санкт-Петербурга, то столкнулся с многочисленными исками граждан к, на тот момент еще, Пенсионному фонду Российской Федерации, ныне Социальный фонд России (далее – СФР). В основном данные иски были связаны с неверным исчислением страховой пенсии по старости, начислением рабочего стажа, требованием перерасчета фиксированной выплаты к пенсиям и прочее. Но, как оказывается, в судебной практике бывает и такая категория дел, когда СФР, наоборот, излишне выплачивает сумму пенсий по различным рода причинам, например, в случае, когда с нарушением была проведена процедура проведения медико-социальной экспертизы о признании лица инвалидом или же сам СФР допустил ошибки в расчетах того же трудового стажа или стажа по выслуге лет. Что же делать в этих случаях? Можем ли мы для решения поставленного вопроса применить частно-правовую конструкцию правового института неосновательного обогащения или же института реституции? Чтобы ответить на данный вопрос нам необходимо будет обратиться как к гражданско-правовой доктрине, так и к судебной практике, а именно значимым постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации (далее КС РФ), касательно обеспечения отраслевой адаптации имплементируемого правового института.

Следует начать с того, что конструкция неосновательного обогащения и институт реституции не являются мерой ответственности, а признаны обеспечивать защиту нарушенного права. Обязанность неосновательно обогатившегося возратить приобретенное или сбереженное потерпевшему не относится к мерам ответственности, так как в этом случае должник не несет имущественных потерь.

Замечательным кажется вывод Джанаевой А.М. о том, что как правовые, так и фактические последствия реституции и неосновательного обогащения по факту являются одинаковыми, то есть и там и там правовой механизм выступает способом восстановления правового положения лица, существовавшего до момента нарушения его прав [1]. Независимо от причины, например, недействительность сделки или же требование о возврате ошибочно исполненного по договору, правовой результат будет одинаковым [2]. Главный вывод, который делает автор, в том, что в обоих этих случаях действует единый принцип – принцип возвращения в первоначальное положение и об отведении неосновательному обогащению места правового основания реституционного требования. Так, реституция может рассматриваться как правовое средство, механизм защиты и восстановления положения, а неосновательное обогащение – как правовая «причина», глубинное основание обращения к механизму реституции.

Приведенная выше позиция также находит свое отражение, на наш взгляд, и в отечественном законодательстве. Так, в статье 8 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), законодатель перечисляет основания возникновения гражданских прав и обязанностей и указывает, в частности, на неосновательное обогащение (подп. 7 п. 1), но, безусловно, не пишет про реституцию, так как реституция и не является основанием [3]. Но в тоже время в ст. 12 ГК РФ реституция выступает как способ защиты гражданского права (абз. 3), но опять же там нет упоминания о неосновательном обогащении. Тем самым, отцы-основатели ГК РФ все же косвенно, но поддерживает позицию: реституция отражает идею возврата, восстановления, это способ защиты права, а термин «неосновательное обогащение» показывает лишь то, что лежит в основе такого восстановления.

Более-менее разобравшись с теоретическим аспектом, вернемся непосредственно к нашему основному вопросу. В соответствии с судебной практикой бывают многочисленные ситуации, когда гражданину органом СФР предоставляется та или иная имущественная выгода, в то время как основания для ее получения у стороны полностью либо частично отсутствовали; при этом такая выгода носит имущественный характер в денежном или стоимостном выражении.

В данной ситуации примечательно Постановление КС РФ от 14.01.2016 № 1-П, кратко о сути дела: гражданину Иванову С.В. органом была назначена пенсия за выслугу лет, но в дальнейшем органом была выявлена ошибка при подсчете выслуги лет, вследствие чего органом выслуга гражданина Иванова была признана недостаточной, решение о назначении пенсии – ошибочным, так как у гражданина Иванова отсутствовали правовые основания для назначения социального обеспечения; в результате органом был использован механизм реституции, то есть стороны вернулись в положение, предшествовавшее до назначения пенсии, выплаты пенсии были прекращены.

КС РФ в своем постановлении признал такое применение механизма реституции в данном деле как создание болезненной ситуации для гражданина, так как в результате таких действий Иванов лишился возможности уверенно строить планы на дальнейшую жизнь, в соответствии с тем уровнем пенсионного обеспечения, которое получал; также принимая во внимание тот факт, что такое пенсионное обеспечение поступало Иванову довольно длительное время и одновременно – незначительный по продолжительности период, которого оказалось недостаточно для возникновения у гражданина предусмотренного законом права на пенсию за выслугу лет; невозможность по объективным причинам, в том числе в связи с достигнутым на момент прекращения выплаты пенсии за выслугу лет возрастом, вернуться на службу, чтобы приобрести вновь необходимый стаж для назначения страховой пенсии в размере, который бы был сопоставим с размером пенсии за выслугу лет.

В то же время еще Европейским судом по правам человека было установлено, что в качестве общего принципа органы власти не должны быть лишены права исправления ошибок, особенно вызванных их собственной небрежностью; в противном случае нарушался бы принцип недопустимости неосновательного обогащения; это также было бы несправедливым по отношению к другим участникам системы социального обеспечения, в особенности по отношению к тем, кому было отказано в назначении выплат по причине их несоответствия установленным законом требованиям, и, наконец, могло бы повлечь ненадлежащее распределение ограниченных общественных средств, что само по себе противоречило бы публичному интересу [4].

Тем самым, КС РФ в своем постановлении постарался учесть как публичные, так и частные интересы, отметив, что выявление той или иной ошибки органом, при условии отсутствия вины самого гражданина по неправомерному назначению пенсии, весь объем

неблагоприятных последствий должен распределяться на основе общеправового принципа справедливости, исключая формальный подход, и с учетом особенностей жизненной ситуации, в которой находится гражданин, продолжительности периода, в течение которого он получал назначенную по ошибке пенсию, и других значимых обстоятельств. Но самый главный вывод, сделанный КС РФ, который поможет ответить на вопрос, поднятый в нашем исследовании, о том, что в отрасли социального обеспечения (публичных правоотношениях сторон) правомерно применение института реституции или же неосновательного обогащения только при условии адаптации этих механизмов согласно принципам социального благополучия граждан, социального обеспечения, учета статуса и жизненной ситуации получателя социальных выплат.

В другом деле КС РФ вновь подчеркнул свой тезис о том, что только виновный противоправный характер деяний выступает необходимым условием применения к лицу мер юридической ответственности на основании положений гражданского законодательства о неосновательном обогащении.

Так было в деле № 10-П от 26.02.2018 в связи с жалобой гражданки Горностаевой Н.Н., с которой в пользу Пенсионного фонда решением нижестоящих судов была взыскана излишне выплаченная сумма пенсии по инвалидности. КС РФ повторно обратил внимание судов на то, что пересмотр решений пенсионного органа должен осуществляться в балансе публичных и частных интересов на основе вытекающих из указанных принципов критериев разумности и соразмерности и только при наличии вины субъекта, а ущерб, причиненный Пенсионному фонду Российской Федерации перерасходом средств на выплату пенсии, не являлся следствием противоправных действий (или бездействия) гражданина, неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него законом обязанностей. В данном деле, КС РФ отметил, что гражданка Горностаева Н.Н. не могла своими действиями повлиять на решение медицинской комиссии об установлении ей статуса инвалида, так как обязанности по контролю за проведением экспертизы ей никто не вменял и не был вправе вменить. Как итог, у пенсионного фонда не было никаких оснований истребовать у гражданки излишне выплаченную сумму пенсии по инвалидности путем неосновательного обогащения, так как справка об установлении инвалидности, составленная по результатам медико-социальной экспертизы, признана недействительной вследствие наличия лишь формальных (процедурных) нарушений, допущенных при ее проведении, притом что такие нарушения не повлияли (не могли повлиять) на оценку ограничений жизнедеятельности освидетельствуемого гражданина и не обусловлены недобросовестностью (противоправностью) с его стороны.

Таким образом, подводя итог к нашему исследованию, отметим, что в судебной практике КС РФ и отечественной доктрине, конструкции неосновательного обогащения и реституции фактически являются одинаковыми, правовой механизм которых выступает способом восстановления правового положения лица, существовавшего до момента нарушения его прав. Касаясь же вопроса: «Можем ли мы применить частно-правовую конструкцию правового института неосновательного обогащения или же института реституции в области социального обеспечения», мы ответим, что да, безусловно, но при соблюдении конституционно установленных принципов справедливости, баланса частных и публичных интересов, а также при наличии недобросовестности со стороны гражданина, который получает выплаты по социальному обеспечению. Как итог, законодатель не исключает использование института неосновательного обогащения за пределами гражданско-правовой сферы.

Список литературы:

1. Джанаева А.М. соотношение реституции и неосновательного обогащения: чему учит опыт стран англо-американской правовой системы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. №6 (56). – С. 1014-1021.
2. Сарбаш С. Возврат уплаченного как последствие неисполнения договорного обязательства/С. Сарбаш // Хозяйство и право, 2002, № 6. – С.80-91
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: [федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32, ст. 3301.
4. Постановлении ЕСПЧ от 15.09.2009 по делу «Moskal v. Poland» (жалоба № 10373/05) // Официальный интернет-портал European Court of Human Rights <https://www.echr.coe.int/>, 9.09.2024.

